

СУФИЗМ В ИСЛАМЕ

УДК 17.82.10

А.А. Хасавнех

Любовная лирика поэта-суфия Ахметзяна Тубыли

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, al-Khasavnekh@rambler.ru

В статье на основе рукописных материалов раскрывается жизнь и творчество татарского поэта-суфия XIX века Ахметзяна Тубыли; прослеживается влияние поэтов-мистиков Востока радикального направления на творчество А. Тубыли, раскрываются смыслы аллегорических образов и особенностей художественного мышления поэта.

Ключевые слова: *теория суфийской любовной лирики; священные смыслы арабских букв; смысловые вариации слова «любовь».*

In this article the life and the creativity of XIX-th century's Tatar poet-sufi Ahmetzjan Tubyli are revealed on the basis of manuscripts; the influence of the East radical literary school poet-mystics on A. Tubyli's creativity is traced; the poet's peculiarity of artistic thinking and meaning of allegorical images are revealed.

Keywords: *theory of Sufi love poetry; sacred meanings of the Arabic letters; semantic variations of the word "love".*

Ахметзян бин Шамсетдин ат-Тубыли (1825–189?) – сравнительно новое имя в истории татарской литературы. Вплоть до XIX столетия имя поэта, его творчество не были известны широкому кругу читателей. Впервые об этом поэте упоминается в статье татарского исследователя Марселя Ахметзянова [1, с. 147–154]. В целом же жизнь и творчество поэта мы исследовали, опираясь на материалы архивного фонда Центра письменного и музыкального фонда ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ [3, 4].

А. Тубыли – суфийский поэт, живший и творивший в XIX веке. Родился в 1825 году в деревне Аби (Сарабиккол) Лениногорского района, расположенной на территории Татарстана.

Образование А. Тубыли получил в г. Чистополь в знаменитом медресе Мухамметзакира Камалова. До 45 лет жизнь его прошла в дер. Сарабиккул, где он исполнял обязанности муллы и преподавателя в медресе. Жизнь поэта омрачалась политикой христианизации, русификации, религиозным преследованием лучших представителей татарского народа. По ложному доносу он был обвинен в убийстве двух мокш и отправлен в Сибирь. Надо полагать, что, будучи муллой и одаренным поэтом, снискавшим любовь и уважение людей, он вел активную религиозно-просветительскую работу.

А. Тубыли был человеком энциклопедических знаний. В один из его сборников вошли произведения, относящиеся к области медицины. Поэт неплохо разбирался в астрономии и математике. Им был составлен календарь с траекториями прохождения звезд с целью точного определения времени. Эти работы были включены в его рукописный сборник. Такой характер деятельности был присущ средневековым поэтам религиозно-суфийского направления.

Любовная лирика Ахметзяна Тубыли. «Божественная любовь» считается опорным камнем в теории суфизма, и на этом основывается их теория познания.

Поэты-суфии смотрели на мир сквозь призму любви; они видели ее во всех проявлениях бытия. Известный представитель крайнего, мистико-пантеистического направления Мансур ал-Халладж сказал [7, с. 18]:

العشق في ازال الازال من قدم
فيه، به، منه، يبدو فيه ابداء

Любовь в вечности, – испокон веков...

В ней, с ней, от нее, – она есть начало.

(Здесь и далее: подстрочный перевод автора).

Принято считать, что тайна жизни основана на двух арабских буквах: [х] и [б], из которых и состоит слово любовь [хубб]. Арабы издревле вкладывали особые священные смыслы в 28 букв арабского алфавита. По суфийской трактовке каждая отдельная буква олицетворяет собой какой-либо процесс бытия или философское понятие. Так, Ибн Араби уподобляет «сферу постоянных звезд» арабским буквам, и называет ее «крышей рая». Среди суфиев широкое распространение получила теория Насими, представителя хуруфизма. Согласно ей, о чертах человека рассказывают буквы.

А. Тубыли также в своих произведениях приоткрывает завесу перед таинствами истинных значений арабских букв. Например, в стихотворении «Фи-л `ышк» (О любви) в сочетании «кяф» и «нун» он усматривает целый мир, ибо из этих букв образуется слово бытие [каун]:

Кэф вэ нун тэркибенең гыйшкылэ истихкэме вар,

Чын мүрэккэбдер аның нунында вар дәүрэн [4, с. 26 а].

Сочетание «кяф» и «нун» укрепились любовью,

Поистине, в слове том «нун» обладает вращеньем.

Суфии рассматривают любовь как дар Всевышнего. Однако не все души способны хранить верность любви. Только «люди любви» (ахль ал-хубб) наделены особыми чувствами. О них так выразился Зу Нун ал-Мисри (ум. в 860 г.): «Бог избрал их давным-давно – еще до того, как создал первого человека, вложил в них сердца и знания» [7, с. 102]. Поэт А. Тубыли также говорит об этом разряде людей, посвященных в таинства Богом:

Гыйшык сирүндән хэбэрдэр улса һэр гакыл улур,

Кэшэфи жәннэтдән артыкдыр гөл бостан гыйшук [4, с. 26 а].

Посвященный в таинства любви – поистине сведущ,

Эти открытья в саду любви – больше, чем сам рай.

Для автора произведения любовь к Богу есть истинное богатство. После того, как в сердце поэта проникло озарение, и распахнулись двери истинного познания, с его уст не сходят имя Бога и слова благодарения:

Жилвэ гэр улды күңелдэ чын истигна – гыйшук,

Тулды мала-мал күңлем зикер йар –мэхбүб илэн,

Салды мушаввак йар кальбемэ [4, с. 27 а].

Воцарилось в душе истинное богатство – любовь,

Переполнилось сердце упоминанием имени Любимого;

Вселил мне в сердце Он истому.

Любовь возрастает по мере укрепления веры. В той же мере совершенство души – есть состояние любви.

Арабский язык, безусловно, – один из самых богатейших в лексическом и семантическом смыслах языков мира. Работая с текстами стихов восточных поэтов, автору удалось найти 16 вариантов арабских слов со значением «любовь». При этом каждое слово в данной классификации несет свой определенный смысловой оттенок. Например:

[сабаба] – глубокая страсть, тоска; [хайаман] – безумная любовь, жажда; [важд] – экзотическое волнение и т. д.

В Коране многократно упоминается слово «любовь». В кораническом смысле «любовь» подразумевает чувство жалости или сострадания Бога к Его рабу. Это первый уровень. Второй уровень указывает на чувства человека к его Создателю, Господину. В основе третьего уровня лежит взаимное чувство между Богом и поклоняющимися. «Скажи: если вы любите Аллаха, то следуйте за мной, будет любить вас тогда Аллах и простит вам грехи ваши» (Коран; 3:31), «О, вы, которые уверовали! Если кто из вас упадет от своей религии, то... Аллах приведет людей, которых Он любит и которые любят Его, смиренных перед верующими, великих над неверными, которые борются на пути Аллаха и не боятся порицающих. Это – щедрость Аллаха: дарует Он ее, кому пожелает, – ведь Аллах – объемлющий, знающий!» (Коран; 5:54). «А среди людей есть такие, которые берут помимо Аллаха, равных; они любят их, как любят Аллаха...» (Коран; 2:165).

Упоминание имени пророка Мухаммада в суфийских произведениях встречается также довольно часто. Личность Пророка всегда служила идеалом для суфиев. Они стремились выработать в себе качества совершенного человека [инсан ал-камиль], в котором воплощён дух Всевышнего. Суфии основываются также на том, что Мухаммад – любимый, и он является первым лучом. От него испокон веков исходят лучи пророчества и проистекают тайны красоты. По мнению Газали, любовь – это первое состояние Пророка, пережитое им в тот период, когда он проводил время в пещере Хира в раздумьях и молитвах к Аллаху.

Часто в рамках одного произведения поэта А.Тубыли совмещены два образа: образ Бога и образ Его Пророка, что соответствует религиозной формуле: «Ля иляха илля Аллах, Мухаммад расулюллах» (Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад – Его Пророк).

Приближение к пророку Мухаммаду – своего рода этап, подготавливающий суфия к слиянию с самим Аллахом. А. Тубыли в стихотворении «Фи-л `ышк» говорит об этом так:

Кэшэф һәр эсрар башды гыйшык сәйеддер гыйшук,
Башда зэвыкъ гыйшык рәсул улмайан гашыйк дэгел [4, с. 276].

В раскрытии тайнств всех главенствует госпожа любовь,
Не влюблен тот, кто не пережил любовь к Пророку.

В этом стихотворении присутствует и образ «пыли» или «праха» (гъубар):

Ул гъубари хаке пайа
Баш ийеб, йөз сөрмәгә [4, л. 28 а].

Пылью, что покоится под ногами,
Протру лицо, склонив низко голову свою...

Символический образ [хаке пай; гъубар] (прах; пыль) встречается в произведениях и многих других тюркских и татарских поэтов-мистиков. Суфии, развивая мотив своего бессилия перед всемогуществом Бога, не случайно вводят образ земли (туфрак, тин) или пыли (гъубар, тузан). К своей первой сущности (земле) человек возвращается, когда заканчивается срок его жизни, а дух, который вдохнул в него Всевышний, – вечен. Ощущение себя как частички Единого или состояние полнейшей растерянности присуще мистикам, достигшим высшей стадии [макам] на пути познания [васл] Аллаха, именуемой [убудийа] – рабство. Смысл понятия «рабство» [абд], [ибад], [а`бад] выводится из сотен положений, содержащихся в Коране. Завершающей стадии [аль-`убудийа] предшествуют 24: покаяние – [ат-тауба]; уполномочивание – [аль-инаба]; аскетизм – [аз-зухд]; набожность – [аль-вара`]; довольство – [аль-кана`а]; терпение [ас-сабр] и др.

В суфийской литературе широкое распространение получил мотив разлуки с Любимым. Земная жизнь для суфиев полна страданий и многочисленных испытаний. Влюбленный каждой клеткой своего тела ощущает отдаленность от Любимого, душа его каждую минуту тянется к источнику своих желаний и устремлений. Так, истинное выражение страсти мы найдем в удивительных по своей красоте строках арабского поэта Самнуна (IX век) [7, с. 30]:

قد دب حبك في أعضاء من جسدي
ديبيلفظيمنروحيوأضماري.
و لا تنفست إلا كنت مع نفسي،
و كل جراحة من خاطري

Проникла Твоя любовь в каждую частицу моего тела,
В душе я загадал, что люблю Бога,
И каждая клетка тела шепчет: «люблю».
Когда я вздыхаю, то чувствую Тебя в своей душе,
И каждый миг в моих мыслях Ты рядом.

Схожее звучание мы найдем в двустишии Джунайда (ум. в 298/ 911 г.) – багдадского шейха, стоявшего у истоков суфийского учения о слиянии человека с Богом, представителя крайнего, мистико-пантеистического направления [7, с. 32]:

و ما تنفست إلا مع نفسي،
تجري بك الروح مني في مجارها.
Когда я вздыхаю, то остаюсь в сознании, -
Будто Твоя душа проходит по бороздам моего тела.

А. Тубыли в своих стихотворных произведениях, посвященных Божественной любви, также выражает огромную надежду на желанную встречу, и на пути к Создателю готов пожертвовать собой. В коротком стихотворении «Дикр муафик байан» есть такие строки:

Вәсләтә дәст мәди йар бәни,
Йулына әйләмешем жан-баш фида [4, л. 28 б].

При встрече Друг протянет мне руку,
На пути к Нему отдам я душу свою и тело.

В «Дикр дар фиркат» («Стихотворение о разлуке») поэт, описывая свое мучительное состояние, выражает полное смятение чувств. В бесконечной тоске он обращается к Богу с мольбой облегчить ему страдания. Не находит его сердце покоя ни днем, ни ночью:

Ничә “ah” дип зарланмыйм, –
матурлыгыңнан аерылуга дучар булдым,
Аз калып, мэхбүб ки, йәшим йоклый алмыйча [4, с. 30] .

Сколько бы ни жаловался я, – расстался с красотой Твоей,
Влюблен в Тебя, – прогнал свой сон.

Слово [сахр], содержащееся во второй строке вышеприведенного отрывка, с арабского переводится как «бодрствование». Мотив ночного бодрствования [сахр ал-лайль] широко распространен как в народном фольклоре, так и в лирических песнях арабов. Человек, в душе которого зажглось пламя любви, денно и ночью в мыслях своих пребывает с объектом своей любви. В суфийской поэзии слово «сахр» встречается также часто. Однако суфии вкладывают в него иное содержание. Бодрствуя днем и ночью, они намеренно отгоняли от себя сон. Время для них длилось бесконечно долго. Это усиливало их страдания, а главное, – удалялся срок прибытия к Любимому.

«Горечь разлуки и одиночество воспламенили мне душу!» – восклицает А. Тубыли. В данном контексте под словом «отлучение» подразумевается сильная любовь к Богу.

Это традиционная символика суфиев. Многие восточные поэты выражали этим словом сильную тоску по Богу. Один из таких поэтов ас-Сильми передает сильное отчаяние мистика при мысли об удаленности Любимого:

«Воспели однажды в стихах перед измеряющим землю крестьянином [4, с. 192]:

أنا في الغربة أبكي، ما بكت عين غريب.
لم أكن يوم خروجي، من بلادي بمصيب.
عجباً لي و لتركي، وطناً فيه حبيبي.

Я на чужбине плачу,
Не ведали ранее слез эти глаза.
И с горя не покидал я свою страну,
Удивительно же, что бросил я мою любимую Родину.

Те, кто встречал его, был растроган услышанным».

В суфийской образной символике слово [горба] представляет отлучение от истинной Родины, т. е. отлучение от Бога. Жизнь на земле сравнивается с далекой чужбиной, и суфий всеми порывами своей души стремится вернуться обратно, в лоно Божье, в мир вечного блага и гармонии.

В лирических произведениях А. Тубыли встречается мотив раскаяния в своем прошлом. В стихотворении «О любви» он пишет о том, что потратил пятьдесят лет жизни впустую – на развлечения и забавы, забыв свое истинное призвание и долг перед Все-могущим:

Илле йел гомер эйлэйеб, дөнъяда гизмешдем габаса,
Билмэмешдем ким хакыйкаттэ, нэдур мэгънэ-и гыйшук [4, л. 28 б]. –

Полсотни лет потратил я, предавшийся забавам,
Не различал лик Истины и в чем любви той смысл.

Автор жалеет об этом мрачном периоде жизни и болезни духа; «выздоровление», спасение от страшного недуга он находит в обращении своего лика к Господу:

Сыйххэт камил табуб улдым бүген ахйэ-и гыйшук,
Галлэт амрад батын рэфэгъ улуб вирде хэйэт [4, л. 28 б].

Найдя здоровья совершенство, воскресил сегодня я любовь,
Что послала сама жизнь посреди болезней и тьмы.

Как известно, «вино» [шараб; хамр] в суфизме является символом Божественной любви. Открытие истины воплощено в образе бокала с вином, который поэт А. Тубыли испивает до дна:

Ачды гөл дик кальбемнең гөлзаренэ вирде сафа,
Хэдд тэкмилэ йотарды бадаһи хэмрайа [4, л. 28 б].

Цветник открыл мне сердце и чистоту вселил,
Насладившись, до дна испил бокал вина я.

А. Тубыли в «Гыйшкы уды» («Огонь Твоей любви») горечь любви желает потопить в бокале вина. Образ вина – центральный в лирическом произведении поэта:

Аерылышу газабы хэраб итте дүл-ү мөлкемне,
Эчмәдем тәлех суын һич, эчтем ул дәртле шэраб [4, л. 56 б].

Страдания разлуки свели на нет всё, чем владел,
Не пил я воду сладкую, испил ту горечь я вина.

Суфийские поэты часто обращаются к символу вина, чтобы передать всю глубину чувств, переживаемых влюбленным мистиком. Как выразился Ибн ад-Даббаг: «Истину

о любви невозможно объяснить на словах, ее можно постичь, только испробовав самому, овладев ее вкусом, в котором полная растерянность». Это состояние также нельзя объяснить, как и состояние человека, находящегося, к примеру, под воздействием алкоголя. Разница лишь в том, что опьянение от вина проходит с течением времени, а опьянение от любви – нет [6, с. 121].

يصحو من الخمر شاربها،
و العشق سكر على الدوام.

Протрезвел от вина, кто выпил его;
Любовь – вечное опьянение.

Наиболее ярко в любовной лирике А. Тубыли традиционный суфийский мотив вина представлен в стихотворении «Күңел – бер Лэйләнең диванасыдыр» (В душе обезумел я от любви к Лейли). При этом он вводит образ чаши [джам] и рассматривает ее как источник Божественной любви.

Вообще, в суфийских произведениях образ чаши [бада, касэ, кадах, финджан, джам] предстает в нескольких разновидностях. В одних источниках, ее связывают с Аллахом; в других – «джам» представляет тело, а вино, заполнившее чашу, воплощает душу влюбленного мистика; в третьих – чаша предстает в образе разума. Так, для Насими чаша или «кубок Джемшида символизирует разум, а тот, кто обладает этой чашой – мудрец. По мнению известного исследователя суфийской символики А. Сибгатуллиной, «джам» обозначает душу арифа (познающего), переполненного знаниями» [6, с. 123]. Несколько иную трактовку символа чаши с вином [джам-е шараб] приводит Ф. Яхин, который считает, что вино в суфийской поэзии открывается читателю в смысле распространения суфийского знания. Виночерпий при этом – суфийский наставник. Далее, по словам ученого: «в восточной поэзии «вино» символизирует собой не чистоту, а чтение Корана, поэтому «употребление вина» – не «очищение» [тахарат], а чтение аятов из Корана. Аяты так же, как и вино, помещены в сосуд; сосудом тем служит для них Коран [5, с. 44].

Чаша у А. Тубыли наполнена водой из священного озера в раю Каусар; автор сравнивает переполненную чашу с винодельней своего Возлюбленного. Кумиром же для поэта является виночерпий [сакый]. Интересно, что в суфийских произведениях виночерпий – это сам Аллах или шейх-наставник, который является непосредственным посредником между Аллахом и суфием-мюридом.

Эмоциональная интонация усиливается уже к концу произведения. Слова поэта приобретают истинное выражение свободолюбия:

Гошад улсын дар-и мэйханэ, йэ Рабб,

Тулыландырсын мэй белэн сакый барлык чогырларны да [4, л. 57 а]!

Пусть распахнутся двери винного прилавка!

Виночерпий, наполни же бокалы священной водой!

«Винный прилавок» [майхана] в данном случае олицетворяет собой дом, где царит искренняя атмосфера дружбы и взаимопонимания, это – больница, где излечиваются все болезни.

Как было уже упомянуто выше, любовь в суфийском значении – это состояние восходящее. Цель Божественной любви заключена в достижении наивысшей стадии, т. е. прибытии любящего [мухибб] или суфия к Любимому [Махбуб]. Таким образом, многочисленные варианты слова «любовь» в суфийском контексте нужно рассматривать в строгой последовательности, т. е. в процессе духовного развития мистика, который, достигнув очередной ступени, переживает соответствующее этой стадии любовное состояние.

В ходе сопоставительного анализа творчества арабских поэтов с произведениями А. Тубыли выявлено много общих черт, что дает нам основание говорить о преемст-

венности традиций и сильном влиянии суфийской поэзии Востока крайнего направления на творчество татарских поэтов. Это подтверждается еще и тем, что в сборник А. Тубыли включены отрывки или отдельные изречения великого арабского поэта и мыслителя Абу аль-Атахийи (IX в.) и теоретика суфизма Ибн Араби (1165–1240). В исследовании любовной лирики поэта-суфия А. Тубыли были подвержены анализу двенадцать его стихотворных произведений. В результате этого анализа выяснилось, что мотивы стихотворений о Божественной любви прямо перекликаются с мотивами произведений арабских поэтов мистико-пантеистического направления в суфизме, таких, как ас-Сильми (XI в.), Самнун (X в.), Сахль ат-Тустари (XI в.), Джунайд (ум. в 298/910 г.), Зу Нун ал-Мисри (ум. в 860 г.), Абу Бакр аш-Шибли (861–945 гг.) и др. Однако это не дает нам оснований причислить его к поэтам мистико-пантеистического направления хотя бы по той простой причине, что мы не найдем в числе многочисленных произведений автора «вольнодумных» стихов, где усматривался бы намек на критику ортодоксии. Суфийские воззрения А. Тубыли во многом были созвучны теоретическим изысканиям Имама Газали, сторонника соединения суфийской аскезы с рационализмом. Мысль эта подтверждается и упоминанием А. Тубыли имени Абу Насра Курсави (1776–1812), интегрирующего в своих воззрениях идеи мусульманской теологии, восточного перипатетизма и калама. Кроме того, традиционной форме ислама Поволжья и Приуралья с момента принятия и по сей день всегда был свойственен умеренный характер, что лишний раз и подтверждает творчество поэта А. Тубыли.

Литература

1. *Ахметжанов М.* Шагыйрь Әхмәтжан Тубыли // Казан утлары. – 1997. – № 1. – Казань.
2. *Сибгатуллина А.* Татар әдәбиятында суфичылык (чыганаclar, тематика һәм жанр үзенчәлекләре): филол. Фәннәре докт. ... дис. – Алабуга, 2000.
3. Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 444; 5169.
4. Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ АН РТ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 6058, 209-б л.
5. *Яхин Ф.* Татар шигъриятендә мистика һәм мифология. Казан. 2000.
6. ابو غزالة (حازم نايف). أسئلة و أجوبة عن التصوف. – دار الإمام النووي، ١٩٩١. ص. ٣٣١.
7. – ٩٧٩ بغداد. العوادي (عدنان حسين). الشعر الصوفي.

Поступила в редакцию 11 декабря 2011 г.